

КИРАН
КРАМЕР

*Любовь
и прочие
неприятности*

РОМАН

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84 (7Сое)-44
К77

Серия «Очарование» основана в 1996 году

Kieran Kramer
TROUBLE WHEN YOU WALKED IN

Перевод с английского *М. О. Новиковой*

Компьютерный дизайн *С. П. Озеровой*

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.*

Печатается с разрешения издательства St. Martin's Press, LLC
и литературного агентства Nova Littera.

Крамер, Киран.

К77 Любовь и прочие неприятности : [роман] / Киран Кра-
мер ; [пер. с англ. М. О. Новиковой]. — Москва : Издатель-
ство АСТ, 2017. — 320 с. — (Очарование).

ISBN 978-5-17-094815-4

Сисси Роджерс готова на все, чтобы спасти свою любимую маленькую библиотеку от закрытия, — даже побороться за пост мэра южного городка Кетл-Ноб с действующим мэром Буном Брэдлоком, которого считает дикарем, хамом и невежей.

Предвыборная борьба в провинции — это всегда забавно. Но заинтригованным горожанам Кетл-Ноба предстоит увидеть совершенно невероятное зрелище — ведь в ходе политической битвы дикарь Бун страстно влюбляется в хорошенькую соперницу и начинает свою мощную кампанию за то, чтобы сделать Сисси не мэром, а первой леди городка...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84 (7Сое)-44

ISBN 978-5-17-094815-4 © Kieran Kramer, 2015
© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Глава 1

Если очень красивый мужчина повышает голос в библиотеке, где в данный момент находятся лишь библиотекарь, пожилая леди с проблемным слухом да пышно разодетый манекен в образе королевы, имеет ли это значение? Для помешанной на стереотипах Сисси Роджерс — да. Она считала, что библиотекарь вообще не должен задавать себе подобных вопросов, а просто шикнуть на крикуна, как бы он ни был хорош собой. Это ее работа, даже если шум поднимает сам Бун Бреддок, местный мэр, тренер футбольной команды и первый красавец в городе.

Сисси как раз отыскала для миссис Хатлбери нужное крупноформатное издание, когда входная дверь библиотеки Кетл-Ноба распахнулась и пространство заполонил громкий женский смех — фальшивый, приукрашенный драматическим вздохом.

От раздражения Сисси ощутила на коже легкое покалывание. Во всей Северной Каролине так смеяться могла только Джанель Монтгомери.

— Бун Бреддок! — услышала Сисси ее приветствие. — Ой, прекрати! Прекрати сейчас же!

Что именно Джанель просит его прекратить? Целовать ее? Или выглядеть так, что любая женщина при виде его теряет способность здраво мыслить?

— Ну и где библиотекарь? — прозвучал грубоватый и рассерженный голос Бреддока.

Раньше он никогда не посещал библиотеку. Ни разу. И сейчас явился сюда только с одной целью — найти Сисси.

Сисси задержала дыхание, ладони ее вспотели, а внизу живота, вопреки желанию, зародился огонек волнения. Внезапно миссис Хатлбери взяла ее за руку и сказала:

— Я слышала, что этих двоих застукали среди бела дня на берегу Фрейзера. Говорят, они ненасытны, как кролики. — Пожилая дама говорила громко, прямо на ухо Сисси. — Но шеф Скотти поставил их на место, и правильно сделал. Молодец.

— Ненавижу мэров, — прошептала в ответ Сисси. Проблемы в личной жизни сделали ее очень раздражительной. — Они все считают, что законы писаны не для них.

Она бы и сама не прочь заняться сексом на озере, но только не с Буном, который и имени-то ее скорее всего не помнит. Вот с мистером Дарси — другое дело. Как же жаль, что он всего лишь герой романа. Впрочем, может, если разодеть Буна как Дарси, то...

Глупости. Между ними нет ничего общего.

— Да, имеется за политиками такой грешок, — согласилась миссис Хатлбери, растягивая слова на манер выходцев из Грейт-Смоки-Маунтин.

— За мэрами в особенности.

Речь Сисси тоже украшал легкий южный акцент. Но так как мать ее была родом из Вермонта, то поговору Сисси немного выделялась среди остальных жителей Кетл-Ноба.

Сисси знала, что ведет себя глупо, но ей было все равно. Для Буна и Джанель она всегда создавала массу мелких неприятностей, но это доставляло ей огромное удовольствие, так что она не могла взять себя в руки и оставить их в покое.

С такой же охотой, например, едят вкусный попкорн, не в силах остановиться, даже если желудок давно переполнен.

— Дорогая, ты ведь ненавидишь далеко не всех мэров, не так ли?

Этот вопрос миссис Хатлбери задала очень деликатно, словно боясь обидеть молодую собеседницу. Она опасалась, что Сисси такая же ранимая, как ее бабушка Нана Роджерс, которую в действительности не волновало совершенно ничего. Она заправляла местным театром — и этим все сказано: творческие люди как минимум безумны.

— Нет. — Сисси изобразила подобие улыбки и попыталась усмехнуться. — Конечно, нет. К его деду ненависти я не испытываю. Он раздавал отличные сладости на Рождество. Неудивительно, что горожане проголосовали за Буну, — он вернул традиции, введенные его дедом.

— Да, то была прекрасная традиция, — тихо проговорила миссис Хатлбери. — Вероятно, поэтому Бреддок продержался на посту мэра Кетл-Ноба почти шестьдесят лет, за исключением того короткого периода, когда мэром был некий джентльмен, чье имя все давно забыли, на праздники раздававший потрескавшиеся мятные леденцы.

После короткой паузы она спросила:

— Уверена, что ты в порядке, милая?

— Мне... мне требуется кофеин, а библиотечный кофейник сломался.

А еще ей требовался мужчина, и определенно причина ее раздражительности заключалась в последовавшем за личными неурядицами гормональном сбое.

— Не исключаю, что во всем виновна Джанель: она любому действует на нервы, — задумчиво изрекла миссис Хатлбери. — А в последние дни эта девица превосходит саму себя. Но Бун тут ни при чем. Мы рады, что именно он стал нашим мэром, правда?

Сисси покраснела.

— Он... э... вполне пригоден на роль слуги народа.

Но перед ее взором возникал Бун в своих любимых джинсах. Она воображала, как он опускает руку ниже, хватая пальцами собачку на молнии и дергает вниз, представляя ей куда более интересный вид. В этом отношении он был куда более чем пригоден. Тем ясным днем Сисси не повезло, поэтому ее до сих пор преследует вышеописанный образ, однако она радовалась по крайней мере тому, что видела это через солнцезащитные очки.

— Пригоден? — Миссис Хатлбери приоткрыла рот от изумления. — Да одна только его улыбка освещает любое место, где бы он ни появился! Никогда не забуду, что его прапрапрапрапрадедушка...

— Я знаю! — грубо прервала даму Сисси; ей уже добрую сотню раз приходилось выслушивать историю о том, как

Сайлас Бреддок повел полк добровольцев из Кетл-Ноба на сражение у Кингс-Маунтин во время Войны за независимость*, вдохновил свои войска на внезапное нападение на изолированный британский аванпост и одержал великую победу.

Семейство Роджерс в те времена занималось чтением книг, написанием писем и анализом поэм и не ожидало, что война застигнет скромный тихий Кетл-Ноб. Но никто не постучал к ним в дверь с предложением поддержать земляков в битве у Кингс-Маунтин. Такие заядлые филологи, как Роджерсы, все-таки не могли оставить без внимания столь важное событие, поэтому по прошествии битвы расспросили каждого участвовавшего, чтобы подробно записать все, что каким-либо образом относится к Кингс-Маунтин. Они прекрасно справились с задачей и оставили потомкам на сохранение полученный материал.

Миссис Хатлбери между тем продолжала:

— На прошлой неделе Бекки Ли и Фрэнк, храни их Господь, купили для оркестра Академии Кетл-Ноба новые инструменты.

Отец Буна Фрэнк и его мать Бекки Ли были тасманийскими дьяволами западной части Северной Каролины. Куда бы они ни устремили свой взор, оттуда летели клочки грязи — особенно на их поле для гольфа, — и делали очередную кучу денег.

— Но они за все годы ни цента не предложили библиотеке. — Сисси сама удивилась, насколько громко произнесла это. Никто и никогда не отзывался плохо о Бреддоках.

— Но, милая, — взгляд миссис Хатлбери смягчился, — они Бреддоки. А ты Роджерс. Ваши пути никогда не пересекутся, и это надо понимать. Ты вносишь в развитие Кетл-Ноба свой вклад, а они — свой, поэтому все мы живем в гармонии. — Она на миг замолчала и прищурилась. — Так ведь?

* Война за независимость в Северной Америке (1775—1783) — освободительная война тринадцати английских колоний, в ходе которой было создано независимое государство. — *Здесь и далее примеч. пер.*

Если безразличие по отношению друг к другу считать гармонией, то да, так.

Миссис Хатлбери поцеловала ее на прощание, и Сисси тяжело вздохнула, внезапно ощутив себя безмерно уставшей: устала до поздней ночи сшивать брошюры, устала от того, что жители этого города помешались на ярлыках, привитых им с рождения, опираясь на которые они и отделяют одно от другого, словно сортируя по полкам консервные банки. В такие моменты она задавалась вопросом, почему вообще вернулась сюда, хотя причина ей была, конечно же, известна.

Сисси обожала аромат подъяльников по утрам. Любила слушать, как в тишине издалека раздается зов медведицы, поучавшей своих детенышей. Она не могла насмотреться на горы, гигантскими волнами окружавшие ее дом — фамильный дом Роджерсов. И ей нравились местные жители. Только единицы из них Сисси считала лживыми мерзавцами. Остальные заботились друг о друге, умудряясь при этом оставаться гордыми и независимыми.

Прекраснее места на Земле не найти.

— Что ж, здравствуйте, мисс библиотекарь, — затараторила Джанель в своем обтягивающем розовом пуловере, мягком шелковом шарфе, белых джинсах и туфлях, каблук которых больше уместен в Манхэттене, чем в горной провинции. У ее рта лопнул огромный розовый пузырь жевательной резинки.

В последние дни Сисси наконец научилась достойно вести беседы с людьми, но преимущественно с теми, кто гораздо старше ее. В компании же молодых симпатичных парней и девушек она чувствовала себя полной дурой, особенно среди тех, кто не утратил детской наивной убежденности в своей компетентности относительно всего на свете.

Джанель относилась как раз к числу последних, хотя Сисси не взялась бы утверждать наверняка. Ребенком Джанель была столь же умна, сколь и красива, однако после шестого класса стала все чаще пренебрегать учебой. Она слишком увлеклась красавчиками, да и любыми другими юношами, проявлявшими к ней интерес, так что теперь все

мужское население округа было у ног Джанель, мэра Кэмпбелла.

Поблизости стоял и Бун в своих совершенно неуместных джинсах и коричневых ботинках. Настоящему мэру не пристало носить «левис» и «кархаттс» и при этом позволять себе безрассудство выглядеть как модель с рекламного плаката. А еще мэру не дозволены ямочки на щеках. И он, уж конечно, не должен тратить уйму времени на футбольном поле, тренируя мозговитых парней метать друг в друга мячи и рисковать получить серьезную травму.

Сердце Сисси пустилось вскачь. В отличие от Джанель она не преуспела в искусстве флирта, и ее познания в моде были весьма скудны. Зато Сисси прекрасно разбиралась в книгах и легко могла бы пойти на «Джеопарди!»* и выиграть главный приз, будь все вопросы по литературе. В этом она любого соперника сразила бы наповал! Пока Сисси не представляла себе, какова на вкус победа, но ей думалось, что быть на высоте довольно приятно. Никто не смог бы точнее перечислить десятку лучших произведений по версии «Нью-Йорк таймс».

— Чем могу помочь? — спросила она, отвлекшись от приятных мыслей.

Не будь Бун таким счастливым по жизни, сейчас, вероятно, его взгляд казался бы немного глупым, вероятно, даже косым, как следствие многочисленных ударов мячом по голове, полученных за время обучения в старшей школе.

Но нет же!

И даже Сисси, когда смотрела ему в глаза, уподоблялась маленькой девочке, одарившей благодарным взглядом мальчика постарше, угостившего ее яблоком, но не понимавшей, что симпатия с его стороны мимолетна. Не успеет она доесть это яблоко, как он уже направится к другой девочке.

Быть может, ей просто не стоило есть это яблоко? Вероятно, он хотел, чтобы она хранила его у себя до тех пор, пока фрукт не засохнет и не сморщится.

* «Джеопарди!» — американское шоу-игра.

Да что вообще она знает об отношениях?

Абсолютно ничего!

— У нас интересные новости, — сказал Бун.

От его впечатляющих мускулов, уверенности во взгляде и пугающей двусмысленности в произнесении слова «интересные» у Сисси болезненно застучало в висках, и она задумалась: «Ты вообще знаешь мое имя? Ты хоть помнишь то яблоко? Зачем ты явился сюда с какими-то там новостями, если у тебя и карты-то библиотечной нет?»

— Это хорошие новости, — подхватила Джанель, и уголки ее блестящих розовых губ поползли вверх.

Ох и ах. Если Джанель считает эти вести добрыми, то для Сисси они скорее всего станут сушим кошмаром. Да что там говорить — само пребывание этой парочки здесь уже выводит ее из себя.

Тут определенно что-то не так.

Ведь Бун здесь, в библиотеке!

— Могу ли я поинтересоваться, какого характера новости?

Возможно, так выражаются чопорные училки и старые девы, но Сисси не считала себя старомодной ханжой, а говорила так, потому что растерялась и все мысли мигом вылетели из головы. Имелись у нее и здравые мысли, имелись даже чувственные — и последние затмевали остальные весьма часто.

И все они были об этом парне, который только что поразил ее своим захватывающим видом: сильный, властный, спокойный; взгляд его словно проникал в самую душу..

Если он вообще верил в существование души.

Но в этот миг в душе Сисси что-то раскрылось, как книга в мягкой обложке, тонкие хрупкие страницы которой с шелестом перелистывает свежий порывистый ветер.

Нет, Бун не мог так повлиять на нее, однако все твердило об обратном, и Сисси ощутила горькое отчаяние.

— Из финансовых соображений, — продолжил Бун, — управление постановило объединить библиотеки Кетл-Ноба и Кэмпбелла. Для вас оборудуют новое просторное помещение.

Сердце Сисси застыло. Проснулось чувство, будто земля ушла из-под ног и она оказалась в открытом космосе. Интересно, Алиса, падая в кроличью нору, ощущала то же самое?

— Присядь. — Бун выдвинул стул из-под стола.

И Сисси села, крепко сжав колени. Сейчас на ней были черные «мэри джинс». Для полного образа ей требовались голубая футболка, белый передник и длинная белокурая коса...

— Все не так уж и плохо, — сказал Бун.

Библиотека располагалась здесь долгие годы, была оплотом равенства в обществе, где не ведали равноправия и справедливости, где всем были чужды беспристрастность и объективность; была своего рода лекарством, даже сахаром, маскировавшим горечь реальности.

А теперь ее хотят объединить... и она исчезнет!

Но почему Сисси не может озвучить эти мысли?

— Это место всегда представляло собой своего рода историческую ценность, — проговорила Джанель скучающим голосом, — и ты наверняка обеспокоена, что мы забыли о значимости этого здания, но это ошибка.

Как раз именно это беспокоило Сисси! И, как бы ни было стыдно ей это признавать, в голове ее галопом проскакала — точно Пол Ривер* на своем коне — совершенно эгоцентричная мысль: «История библиотеки завершится на мне. История этой библиотеки завершится на мне!»

И ни один библиотекарь больше не отыщет здесь своей истинной любви.

Впрочем, как и Сисси.

— Может, воды? — предложил Бун.

Сисси не знала, что происходит с ее телом, но где-то в глубине ее жил не только принципиальный, эрудированный Роджерс, но и глупая наивная девочка, только что оторвавшаяся от чтения журнала «Невесты».

* Ривер Пол (1738—1818) — один из прославленных героев Американской революции.

— Сисси, — снова вмешалась Джанель, — возьми «фрут-страйп». — И протянула покрытую фольгой длинную прямоугольную электронную сигарету.

Библиотекарь отрицательно помотала головой.

Джанель резко выдохнула.

— Это хорошее решение, правда.

Сисси знала, что сейчас ей не следует думать о себе, а нужно прогнать Буна и Джанель прочь из библиотеки. Вместо этого она вспомнила про Салли Морган, приходившую сюда со своим умственно отсталым сыном — подростком Хэнком Дэвисом, чтобы помочь расставить по полкам книги. Салли очень любила библиотеку, рассказывала о ней всем, и ее подобная новость могла просто опустошить. Сисси ничуть бы не удивилась, если б бедняжка, услышав подобное, тотчас потеряла сознание: Салли была очень эмоциональна. И как ей с Хэнком добираться до здания новой библиотеки? У них ведь нет автомобиля.

Сисси с яростью стиснула зубы.

— Мы разместим библиотеку в торговом центре возле «Харрис-титер», — продолжил Бун. — Это как раз между двумя городами, так что всем удобно будет зайти за книгой во время шопинга.

И в этот момент на его щеках показались ямочки, те самые, без которых его внешность была бы менее чарующей и совершенной, и щеки Сисси загорелись, точно от огня. Теперь легенда, история библиотеки уже ничего не значила. Ведь это, в конце концов, всего лишь глупая сказка, до сих пор не забытая лишь по воле судьбы. Сисси объяснит Салли, что все это не стоит внимания. Что сейчас действительно важно — так это спасение библиотеки.

Да, это чрезвычайно важно!

— Кажется, прежде там был тату-салон, — пробурчала она, — а до него — бар.

Библиотеку — туда? У Сисси перехватило дух. Ее предки перевернутся в гробу, если ценные исторические документы окажутся в столь неблагопристойном месте.

— Зато как много станет читателей, — возразил Бун. — К тому же ассортимент книг расширится, когда две библиотеки сольются в одну. Сумма, выделяемая на новые по-

ступления и содержание библиотеки, сократится на тридцать процентов! Мне жаль признавать, но и это уже хорошо, потому что, если вы останетесь здесь, бюджет сократится вполтину. Это здание довольно старое, и мэрия полагает, что тратить огромные средства на его содержание неразумно.

«Бла-бла-бла». Так много слов. Но Сисси — из Роджерсов, поэтому должна придумывать достойные аргументы на лету.

Только вот сейчас она не могла думать. Именно из-за той проклятой легенды Сисси сейчас так распереживалась. Салли утратит надежду найти себе идеального любовника и прекрасного отца для Хэнка Дэвиса. Нана похоронит себя заживо, если поймет, что ей никогда не танцевать на свадьбе Сисси, а сама Сисси навсегда расстанется с мечтой по-встречать родственную душу.

И не то чтобы эта легенда была реальной...

Но что было?

«Думай, Сисси, думай!»

Реальными были книги! Книги и исторические документы. А также реальность заключалась в том, что у Салли нет машины, а Сисси «почти девственница». И как бы последняя ни сопротивлялась это признавать, с правдой не поспоришь.

— Я... я могу привлечь «друзей библиотеки». Они помогут с ремонтом, — попыталась она настоять. — Они уже оказывают немалую помощь — да благословят Небеса их добрые сердца. В прошлом году пожертвовали на благо библиотеки три сотни долларов, но мы можем собрать больше денег. Если подключить всех, средств будет достаточно.

Сисси внимательно смотрела на Буна, чье семейство может спасти библиотеку, выписав лишь один-единственный чек, но взгляд его притягательных карих глаз оставался спокойным, непроницаемым и сексуальным. Последняя черта наличествовала всегда, с кем и о чем бы он ни разговаривал.

— Здесь мы планируем разместить Управление ликвидации отходов. — Джанель растоптала всю великую историю библиотеки так же беспечно и беззаботно, как пере-

бросила свои яркие налаченные кудряшки через плечо. — В нынешнем помещении им очень тесно.

— Что?! — Сисси прекрасно расслышала сказанное, но не поверила своим ушам.

Джанель усмехнулась:

— Мысли шире. На новом месте, где объединятся библиотеки Кэмпбелла и Кетл-Ноба, вы сможете активнее сотрудничать с коллегами и делиться материалом.

Ее голос звучал фальшиво, и Сисси подумала: «Тоже мне сюрприз».

— У всех появится возможность читать, изучать архивные документы, — она томно взглянула на Буна, — и получать удовольствие в процессе.

Только Джанель могла говорить о чтении в столь сексуальной манере.

Сисси, чтобы не расчихаться, отвернулась, задержала дыхание, и каким-то чудом ей удалось сдержаться. Этот короткий промежуток времени напомнил ей, что любой представитель семейства Роджерс умеет искать достойные аргументы и побеждает в любом споре.

— Документы Роджерсов, — напомнила она Джанель, — были завещаны Кетл-Нобу. Никто из Кэмпбелла не принимал участия в сражении у Кингс-Маунтин, и они никогда не упоминались в местных архивах, разве что в каком-то свидетельстве как наши соседи.

Жители Кэмпбелла считали свой город крутым лишь потому, что какая-то из известных поп-звезд закончила там начальную школу. А также в Кэмпбелле проживало множество богатеев, многие из которых посещали гольф-курорт, обустроенный родителями Буна и ставший уже настолько старым и популярным, что почти в каждой криминальной сводке можно встретить упоминание о том, как в очередной выходной у очередного игрока украли с территории газонокосилку или угнали «мерседес». В большинстве резиденций Кэмпбелла располагались врачи и юристы из Ашвилла, которые приезжали в Кетл-Ноб отдохнуть на лоне природы и перенестись на сотню лет в прошлое.

К тому же сейчас в городе проводятся высокотехнологические исследования международного уровня.

Однако если исключить все вышеперечисленное, в Кэмпбелле довольно скучно.

«Да там даже на свидание некуда сходить, — сказала Салли в День святого Валентина, когда все парочки Кэмпбелла собирались в местном клубе, где на день влюбленных ежегодно устраиваются конкурсы и делают скидки на входной билет. — В любом городе близ гор должно быть хоть одно романтическое место».

— Верно, к Кэмпбеллу Кингс-Маунтин не имеет никакого отношения, — согласился Бун. — Но...

«Но?»

Ведь именно его семья подняла народ на великое сражение! Предки Сисси лишь вели исторические документы. О каких вообще «но» может идти речь?!

Все это Сисси сказала ему взглядом, но он, судя по всему, по глазам читать не умел. Впрочем, вероятно, его отвлекла Джанель, которая скрестила случайно или намеренно руки на груди так, что ее обтянутые пуловером прелести основательно выпятились. Бун, конечно, не смотрел на них, но они были, как слон в комнате, весьма заметный слон четвертого размера.

— В библиотеке Кэмпбелла не сохранилось ни одной записи со времен Гражданской войны, — не уступала Сисси. — У нас же те времена описаны в девяти журналах в кожаном переплете.

«Которые принадлежат семье Роджерс».

Джанель недовольно скривила рот.

— Жителям Кэмпбелла было не до записей.

«Да, потому что занимались пустословием и самовосхвалением, прямо как ты!» — хотелось бросить в ответ Сисси, но не хватило смелости. К тому же кто знает? Может, Джанель вовсе и не нарцисс.

— Послушай. — Джанель опустила руки, ее груди приняли привычную форму, и напряжение в помещении немного спало. — Давно пора оставить в прошлом наше соперничество. Подумай обо всем этом в другом ключе: страна отправила полк на битву при Кингс-Маунтин. И вообще, мы не можем презирать людей лишь за то, что они живут в другом городе.

Бун наверняка был согласен с ней, потому что добавил:

— Ты должна признать, что найти более подходящее место нелегко.

Никто и не пытался его искать — в этом Сисси не сомневалась, — поэтому напомнила:

— Библиотека располагается здесь уже сотню лет.

Бун пожал плечами — такими широкими:

— Вас перевозят с Мейн-стрит. Да, библиотека будет располагаться за чертой города, но в таком случае история Кетл-Ноба станет доступной для гораздо большего количества людей, а это очень даже не плохо.

У Сисси загорелись уши, а еще с ногтями на руках стало происходить что-то из ряда вон выходящее. Прежде она даже не замечала их наличия, а теперь под ними так зудело, что держать руки в покое не представлялось возможным.

— Я понимаю, о чем вы.

Бун хотел залезть Джанель под юбку; хотел, чтобы слава о его великом семействе распространилась далеко за пределы Кетл-Ноба — вот в этом суть его личной победы.

— Так будет лучше и для Кетл-Ноба, и для Кэмпбелла. — Его тон свидетельствовал о том, что речь идет о чем-то вполне очевидном. — Мы должны развиваться, а прошлому место в прошлом.

Сисси повернулась к Джанель, надеясь, что хоть той достанет пронизательности понять ее взгляд. «Не думай, что статус любовницы мэра даст тебе доступ к драгоценным архивам Кетл-Ноба; не думай, что мы подчинимся Кэмпбеллу; даже не мечтай обратить в прах нашу глупую легенду!»

Конечно, вслух это произнести Сисси не могла. Горькая правда заключалась в том, что какая-то частичка ее все же верила в этот сентиментальный бред. В глубине души Сисси полагала, что ей суждено встретить свою истинную любовь именно здесь. Она часто представляла, как однажды этот самый порог пересечет прекрасный незнакомец, который завладеет ее сердцем раз и навсегда.

Какая же она глупая!

И кого ей в этом винить? Отец Сисси, доктор философских наук, был библиотекарем, а мать — писательницей